

Кирилл Соловьёв

Рец. на: А.Б. Николаев. *Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года*. В 2 т. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017

Kirill Soloviev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: A.B. Nikolaev. *Dumskaiia Revoliutsiia: 27 fevralia — 3 marta 1917 goda*. 2 vol. Saint Petersburg, 2017

DOI:

Четверть века А.Б. Николаев исследовал политическую борьбу в Петрограде с 27 февраля по 3 марта 1917 г., посвятив ей многочисленные книги и статьи. К столетию изучаемых событий он опубликовал монографию, ставшую итогом многолетних размышлений и архивных поисков¹. Юбилей оказался хорошим поводом для «инвентаризации» достижений историографии революции. Работ за истекший век издано очень много, но самобытных идей, ярких (и в то же время убедительных) концепций — неизмеримо меньше. Более того, в последние десятилетия интерес к событиям 1917 г. скорее идёт на спад. Тем ценнее труд Николаева, в котором ясно изложена авторская версия революционных процессов в первые пять дней после «большого взрыва» Февраля 1917 г.

В двухтомнике детально показана «механика» происходившего в российской столице в те дни. «Думская революция», по мысли автора, отнюдь не сводилась к тому, что Государственная дума и её депутаты сыграли решающую роль в падении монархии и возникновении в России новых властных институтов (прежде всего, Временного правительства). Николаев искусно избегает чёрно-белой дихотомии, нередко встречающейся у исследователей, склонных абсолютизировать стихию народного возмущения или заговор элит. При этом автор опирается не на умозрительные построения, а на кропотливые поиски в 117 фондах из 23 архивов России и США, на скрупулёзный источниковедческий анализ официального делопроизводства (которое часто весьма лаконично, а порою и заведомо лживо, особенно в момент стремительного крушения привычных государственных институтов), мемуарной литературы и дневников, не забывая и о до-

стижениях поразительной по своим масштабам историографии.

Едва ли можно считать случайностью то, что в конце февраля — начале марта 1917 г. конструирование институтов новой власти происходило вокруг Думы и её лидеров. Они были удобным «медиатором» для различных элитных групп: «старорежимной» бюрократии, деятелей легальных партий, генералитета, набравших силу социалистических вождей. В силу своего положения Дума становилась своего рода «мостиком» между «старой» и «новой» Россией — будучи признанным органом власти, она в то же время могла претендовать на статус, не вписывавшийся в Основные государственные законы 23 апреля 1906 г.²

Николаев доказывает, что свои министерские портфели думцы получили, активно включившись в революционный процесс, по крайней мере с 27 февраля. Автор подчас поминутно восстанавливает хронологию событий, уделяя большое внимание топографии революции, перемещению войск и масс демонстрантов (т. 1, с. 238—298). В центре этого движения оказались Таврический дворец и заседавшие в нём народные избранники³, пытавшиеся координировать действия военных подразделений (т. 1, с. 398—427), добившиеся контроля над городской инфраструктурой, способствовавшие установлению в Петрограде нового порядка, санкционировавшие аресты высших сановников империи (т. 2, с. 64—201) и т.д. Они всячески содействовали образованию Петроградского совета, который неслучайно расположился в стенах Таврического дворца (т. 1, с. 221—235). Между тем Временный комитет Государственной думы стал властью в столице ещё до отречения Николая II и на-

значения кн. Г. Е. Львова главой правительства (т. 1, с. 475—536).

Благодаря авторитету Думы и её Временного комитета возникала принципиально новая организация власти, или, по словам Николаева, «третьемартовский политический режим»: при неустойчивом равновесии в ожидании скорого созыва Учредительного собрания в России формально сохранялась конституционная монархия, продолжали действовать Основные государственные законы, а Дума оставалась одним из высших учреждений и центров власти. Депутаты не догадывались, насколько зыбкой была та почва, на которую они вступали. В немалой степени поспособствовав политическому перевороту, они невольно вызвали масштабные «тектонические сдвиги», которые уже ни в коей мере не могли контролировать.

В понимании Николаева «думская революция» — лишь часть многогранного социально-политического процесса начала 1917 г. (т. 1, с. 234). Автор не пишет о том, что предшествовало 27 февраля, признавая, что изучение думской деятельности 26, 25, 24... февраля потребовало бы самостоятельного исследования, столь же многотрудного и кропотливого. Таким образом, Николаев застаёт депутатов уже на распутье, вынужденных принимать решения в условиях тотальной дезорганизации власти, причины которой в книге не раскрываются. Не рассматриваются в ней и интеллектуальные и мировоззренческие подвижки в общественных настроениях предреволюционного периода, влиявших на позицию депутатского корпуса, которая складывались не за один день. Её эволюцию можно было проследить и с 1906—1907 гг., когда «новый» политический режим ещё только формировался. Развиваясь посредством кризисов, накапливая в себе противоречия, он преодолевал трудности, заполнял «пробелы права» и тем самым намечал тенденцию собственной эволюции. Настоятельная потребность в качественном изменении в организации власти вовсе не означала «смертного приговора» и совершенно не обязательно должна была осуществиться революционным путём.

Конфликт между ведущими «игроками» постепенно складывавшейся системы возник не вследствие их злокозненности, а из-за институциональной несовместимости искусственно соединённых в ней правовых укладов, фактически принадлежавших разным эпохам. Формирование политических ин-

ститутутов, психология их деятелей и в конце концов сам расклад сил определялись характером данного противостояния, прослеживающегося в драматической избирательной кампании 1912 г., в столкновениях Думы с правительством в 1912—1913 гг., в возникновении Прогрессивного блока и в подготовке «парламентского штурма» ноября 1916 г., имевшего ничтожные последствия, в апатии, воцарившейся в Таврическом дворце на рубеже 1916—1917 гг., и в поисках пути выхода из тупиковой ситуации в январе 1917 г.

Именно тогда в депутатской среде кристаллизуется мысль о возможности революционного взрыва, который станет «очистительной» силой, способной как «*deus ex machina*» радикально изменить расклад сил в стране⁴. Надежда на революцию объяснялась политической беспомощностью депутатского корпуса, уже исчерпавшего имевшийся у него арсенал средств борьбы за власть.

Иными словами, до того, как возглавить революцию, нужно было сперва взглянуть её в беспорядках на улицах Петрограда, а для этого, в свою очередь, следовало на неё надеяться и внимательно всматриваться в окружающую действительность, отмечая признаки надвигающейся грозы. Более того, парадоксальным образом именно повышенное внимание со стороны думцев придавало беспорядкам в столице революционный характер. Соответственно и позиция Государственной думы, пользовавшейся авторитетом в обществе и способной участвовать в переговорах с верховной властью, приобретала особое значение.

Такая революция, начавшаяся прежде всего в головах депутатов, не похожа на разговор элит и в то же время не сводится к стихии народного возмущения. Ещё российские правоведы и публицисты начала XX в. отмечали анахроничность и примитивность понимания революции исключительно как насильственного свержения правительства оппозицией. Подлинная революция совершается не революционерами. Любой дееспособный политический режим обладает достаточными ресурсами для подавления недовольных. Однако он становится беспомощным, когда начинает сомневаться в себе самом, утрачивает способность принимать решения, в то время как недоверие к нему становится тотальным и проникает в «поры» его собственных органов, после чего появляются авторитетные силы, утверждающие, что теперь власть — это они⁵. В 1917 г. — в важнейшие мгновения российской истории —

эта роль выпала Государственной думе, что и показано в монографии А.Б. Николаева.

Примечания

¹ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; Николаев А.Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России. С древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 361—413; Николаев А.Б. Третьемартовская политическая система // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1. М., 2017. С. 457—461; Николаев А.Б. Реформы Временного правительства // Там же. С. 480—501; Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. В 2 т. СПб., 2017.

² Депутаты говорили об этом с момента их издания. См.: Государственная Дума первого созыва: Стенографический отчёт. Т. 1. СПб., 1906. С. 95; См. также: Езерский Н. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 144.

³ См. также: Николаев А.Б. «Учреждение», а не «помещение». Таврический дворец // 1917 г. Вокруг Зимнего. М., 2017. С. 164—186.

⁴ Соловьёв К.А. Прогрессивный блок в январе—феврале 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 124—129.

⁵ Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 356; Долгоруков П.Д. О расширении деятельности партии // Вестник партии народной свободы. 1906. № 16. Стб. 1029; Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Там же. № 25—26. Стб. 1400.

* * *

Александр Пученков, Николай Смирнов

Думская революция?*

Aleksandr Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia),

Nikolay Smirnov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

Duma revolution?

DOI:

Фундаментальная монография петербургского историка, профессора, заведующего кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена Андрея Борисовича Николаева, на протяжении уже почти трёх десятилетий увлечённо изучающего историю Февральской революции 1917 г., продолжает, расширяя и дополняя, его монографии 2002 и 2005 гг.¹ и буквально поминутно реконструирует события, происходившие в Петрограде в конце февраля — марте 1917 г. В центре внимания автора — место Государственной думы в революционном про-

цессе, которое традиционно принижалось в советской историографии. Уже в названии предыдущей монографии (и докторской диссертации) Николаева ощущалась своеобразная полемика с книгой «Революция и власть», написанной замечательным ленинградским историком В.И. Старцевым, много лет проработавшим в РГПУ (бывшем ЛГПИ) им. А.И. Герцена. В этом, несомненно, знаковым для своего времени исследовании на первом плане находился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, представленный в «момент Февральской револю-

* Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.